

BIBLIOTEKARZ PODLASKI
2/2022 (LV)
<https://doi.org/10.36770/bp.704>
ISSN 1640-7806 (print) ISSN 2544-8900 (online)
www.bibliotekarzpodlaski.pl

Vera Occheli*

Państwowy Uniwersytet im. Akakiego Ceretelego w Kutaisi, Gruzja /
/ Akaki Tsereteli State University, Georgia

Романтизм в польской и грузинской литературе. К вопросу сходства и отличия

Romanticism in Polish and Georgian literature. Similarities
and differences

Abstract: The paper addresses the issue of similarities and differences in Polish and Georgian Romanticism. The analysis shows that Romanticism in Georgian literature, in contrast to Polish Romanticism, which developed in stark opposition to classicism and sentimentalism, was developed as a result of a quick and smooth process.

At the early stage of Polish Romanticism, the leading genre of this literary trend was the ballad, whereas in Georgian Romanticism, it was the elegy.

In Polish and Georgian Romanticism, an important genre is also the poetic novel, which is due to the socio-historical situation of Poland and Georgia: the loss of independence.

Keywords: Landscape, lyric poetry, European Romanticism, Polish and Georgian Romanticism.

Романтизм – одно из наиболее ярких и масштабных идейно-эстетических направлений в литературе и искусстве конца XVIII – начала XIX века был реакцией на события Французской революции (1789–1794), наполеоновские войны и кризис идеологии Просвещения. Теоретическое обоснование он получил в немецкой классической философии и трудах братьев

* Vera Occheli – dr. hab., profesor Państwowego Uniwersytetu im. Akakiego Ceretelego w Kutaisi (Gruzja), literaturoznawczyni; autorka m.in. artykułu *Повесть Уиараго „Мамлюк” в контексте поэмы Мицкевича „Конрад Валленрод”* (2019).

Vera Occheli, *Романтизм в польской и грузинской литературе...*

Шлегелей (Вильгельма и Фридриха), а терминологическую форму обрел у Гёте. Он быстро распространился во всей послереволюционной Европе и стал своего рода эстетической революцией, провозгласившей: *пафос личной и гражданской свободы; культ индивидуализма; сильные чувства; близость природе; использование бессознательного: мистики, фантастикм, экзотики, мечтательности*. Поэтика романтизма нашла выражение в *изобразительном искусстве* – полотна Т. Жерико, Э. Делакруа, Ф. Гойи, К. Брюллова, Я. Матейко; в *музыкальных композициях* Ф. Шуберта, Р. Вагнера, Ф. Листа, Ф. Шопена, С. Монюшко, З. Палиашвили; в *литературных произведениях* И. Гёте, Ф. Шиллера, Д. Байрона, П. Б. Шелли, А. Мицкевича, Ш. Пётефи, Н. Бараташвили и др.

В каждой национальной литературе становление романтизма шло особым путем, различаясь: по *хронологии*; по *национальным признакам*; по *неповторимому своеобразию талантов*; по *специфике исторического процесса*; по *особенностям общественной и культурной жизни*; по *взаимодействию с предшествующими направлениями*. Для изучения *национальной самобытности*, для осмысления диалектики развития *содержания и образной системы* романтизма в разных литературах, необходимым и обоснованным является его сравнительно–сопоставительное изучение.

Предлагаемая работа ставит целью выявить черты сходства и отличия польского и грузинского романтизма, в период развития которого началось утверждение литературных взаимосвязей между народами Польши и Грузии.

Польский романтизм, как в большинстве европейских литератур, был реакцией на Просвещение. Его становление шло в острой полемике со старыми направлениями – классицизмом и сентиментализмом, которая с самого начала носила не только эстетический, но и политический характер: *эпигонский классицизм* был выражением национального оппортунизма, соглашательства с существующим порядком; *романтизм* стал знаменем революционно–шляхетской оппозиции, патриотической молодежи, недовольной чужеземным господством и польской действительностью.

Дискуссию о романтизме начал профессор Варшавского университета, поэт и критик *Казимеж Бродзиньский* (1791–1835) статьей «*О классическом и романтическом, а также о духе польской поэзии*» (1818), в которой он

утверждал, что польская литература не должна следовать зарубежным образцам, что ей должно идти по пути национального развития. Видный ученый, поборник просветительской идеологии Ян Снядецкий (1756–1830) в своей работе «*О классических и романтических произведениях*» (1819) подвергнул резкой критике новое направление: в его представлении романтизм – это «школа измены и заразы», возвращение к средневековью, демонстрация «превратных» философских и политических концепций.

Переломным моментом в становлении романтизма в польской литературе стал **1822 год**, когда молодой Адам Мицкевич (1798–1855) выпустил в Вильно первый том своих произведений из цикла «Баллады и романсы» – под титулом «Поэзия». Во вступительной статье к сборнику – «*О романтической поэзии*», ставшей манифестом польского романтизма, Мицкевич обосновал правомерность романтического направления в Польше и необходимость приобщения польской поэзии к общеевропейскому романтическому движению, изложил свое понимание романтизма как носителя национального начала в поэзии. Выступая против классицизма, Мицкевич отрицал мысль о романтизме как привнесенной из-за рубежа моде, считая романтическую поэзию выразительницей духа времени, национальных чувств, идей политического обновления. Вместе с тем он не отказывался от использования *элементов* классицизма и сентиментализма, их *поэтик*, разработанных ими *жанров*, подчас даже создания своеобразного *сплава традиционного и нового* художественного стиля или выражения нового пафоса, нового настроения в старой форме. Новаторство польского романтизма не сводилось им к открытиям в области литературной техники – оно было, в его понимании, прежде всего, *отражением нового в национальной жизни*. Этим определялось глубокое национальное своеобразие польского романтизма.

Временем утверждения романтизма в польской литературе стали 1822–1830 годы, именно на данном этапе польская литература сыграла огромную революционную роль в общественной жизни. Романтизм стал выразителем намерений нации к возрождению страны, знаменем нескольких национальных восстаний, борьбы за уничтожение феодально-абсолютистского строя. Его влияние распространялось по мере роста революционных настроений в обществе, обострения противоречий, приведших к национально-освободительному восстанию 1830–1831 гг.

Vera Occheli, *Романтизм в польской и грузинской литературе...*

Подавление восстания привело к жестоким репрессиям: произведения крупнейших представителей польского романтизма – Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого были запрещены, замерло развитие национальной культуры, общественно–политическая жизнь и борьба сосредоточились в эмиграции. В этот период увидели свет лучшие произведения польского романтизма – «Дядя» – III часть (1832) и «Пан Тадеуш» (1834) Адама Мицкевича, «Кордиан» (1834) Юлиуша Словацкого и «Небожественна комедия» (1835) Зыгмунта Красиньского.

Романтизм так сильно прозвучавший в польской литературе, был значительным явлением и в грузинской литературе. Однако, процесс становления грузинского романтизма, в отличие от польского, проходил быстро и безболезненно. В грузинской литературе период, предшествующий романтизму, напротив, способствовал утверждению романтического направления. Академик Корнели Кекелидзе (1879–1962) – блестящий знаток древнегрузинской литературы, ректор Духовной семинарии, один из основоположников Тбилисского университета, утверждал, что: «[...] романтические элементы в грузинской литературе наблюдаются, если не раньше, то со второй половины XVIII века определенно и, особенно, в поэзии грузинских эмигрантов»¹.

Центр грузинской эмиграции в XVII–XVIII вв. находился в России и был очагом грузинского просвещения и образованности². Однако, оторванность от родины, родных, друзей, стесненное экономическое положение, пренебрежительное отношение правящих кругов к грузинским эмигрантам давали обильную пищу для трагических нот в их настроении,

1 კეკელიძე კ. ქართული ლიტერატურის ისტორია 4 ტომად. ტომი 2. თბილისი, 1941, გვ. 273 (Кекелидзе К. История грузинской литературы в 4 томах. Т.2. Тбилиси, 1941, стр.273).

2 История грузинской эмиграции насчитывает столетия. Первые грузинские эмигранты появились в России во время правления царя Алексея Михайловича (1558–1589), отца Петра I, в период, когда грузинский престол занял царь-мусульманин Ростом (1565–1658), сделавший Ислам и исламскую культуру культурой грузинской элиты, а Христианство и христианскую культуру культурой низших слоев общества. На протяжении веков Грузия была ареной политических столкновений двух сильных соседних мусульманских государств – Ирана и Турции, постоянные войны с которыми обескровили страну, были причиной эмиграции грузинской знати в православную Россию. После персидского похода (1722), когда царь Вахтанг VI, не получив от Петра I обещанной военной помощи, был вынужден с семьей и приближенными покинуть Грузию, численность грузинской эмиграции в России значительно увеличилась.

способствовали зарождению романтических черт в их творчестве. Печаль и тоска о далекой родине, безысходная грусть о величии утраченного прошлого, сознание бесперспективности будущего – основа поэтического творчества грузинских эмигрантов, поэзия которых обогатила грузинскую литературу новыми мотивами, новыми жанрами, вниманием к внутреннему миру человека. Блестящий лирик, ученый, знаток восточных языков, царь *Вахтанг VI* (1675–1737), покинувший Грузию в 1724 году с семьей и многочисленной свитой, первым ввел в грузинскую литературу любимый романтиками жанр элегии, первым в грузинской литературе сделал предметом поэтического воплощения личные переживания; царевны *Мариам*, *Кетеван*, *Теко* особенно остро переживавшие потерю власти, ввели в поэзию узко-патриотическую тему – восхваление былого величия предков; поэт, просветитель, дипломат – *Сулхан-Саба Орбелиани* (1658–1725), эмигрировавший вместе с царем Вахтангом VI, приверженец просвещенного абсолютизма, автор сборника новелл и басен «О мудрости лжи», составил первый «Толковый словарь грузинского языка», который и по сей день не утратил своего значения; *Давид Гурамишвили* (1705–1792) – поэт, автор цикла автобиографической лирики «*წიგნი დავითის*» («Книга Давида»), большой мастер художественного слова, язык стихов которого чарует своей простотой, легкостью, изяществом и музыкальностью, продолжил и развил лучшие традиции грузинской литературы, идущие от великого Руставели и, одновременно, сам стал образцом не только для современников, но и поэтов нового времени. «Это, разумеется, не означает, – писал по этому поводу автор многих работ по вопросам классического наследия грузинской литературы профессор Георгий Джигладзе, – что в грузинской литературе в период, предшествовавший возникновению романтизма в мировой литературе, уже господствовал романтизм. Мы лишь указываем на тот бесспорный факт, что в лирике, в кругу идей связанных исторической действительностью, в народной поэзии – грузинский романтизм нашел общий язык с литературой предшествующего периода».³

У истоков польского романтизма стоял жанр баллады, который к тому времени был хорошо разработан в европейской поэзии – *Август Бюргер*

³ Джигладзе Г. *Романтики и реалисты в грузинской литературе XIX века*. Тбилиси, 1963, стр.27.

Vera Occheli, *Романтизм в польской и грузинской литературе...*

(«Леонора»), Фридрих Шиллер («Кубок», «Порука»), Василий Жуковский («Людмила», «Светлана»). В польской литературе одним из первых к этому жанру обратился Адам Мицкевич. Его баллады «Романтика», «Свитезь», «Свитезянка», «Рыбка» построены на легендах и мифах славянской истории и на концепции «двоемирия», обозначающей влияние «незримого» на дела реального мира. Вслед за Мицкевичем к жанру баллады обратились многие польские поэты – *Томаш Зан, Антоний Одынец, Александр Ходзько.*

В грузинском романтизме, на раннем этапе его развития, господствующим жанром была элегия, характерная для эпохи грузинского Возрождения. Этот жанр широко представлен в поэзии одного из зачинателей романтизма в грузинской литературе – *Александра Чавчавадзе* (1786–1846). Выходец из именитого и влиятельного княжеского рода – Александр родился в Петербурге, его крестной матерью была сама императрица Екатерина II, впоследствии ее внук, император Александр I, определил его для получения образования в Пажеский корпус. Чавчавадзе участвовал в войне 1812 года против Наполеона, был адъютантом генерал-фельдмаршала Барклай-де-Толли. За проявленную в сражениях доблесть награжден орденами и золотой саблей. Он также участвовал в русско-иранской и русско-турецкой войнах, проявив себя как мужественный воин и талантливый полководец.

А. Чавчавадзе был одним из образованнейших людей своего времени – он прекрасно владел русским, французским, немецким и персидским языками, много переводил из Гёте, Гюго, Пушкина, Лермонтова. В 30–40-х годах XIX века его дом в Тифлисе слыл культурным центром не только тогдашней передовой грузинской общественности, но и сосланных царским правительством в Грузию политически ненадежных русских и польских вольнодумцев.

Поэтическое наследие А. Чавчавадзе явило собой последний и наивысший этап в развитии древнегрузинской лирики, которая, как известно, развивалась, с одной стороны, под влиянием, восточной, главным образом персидской, с другой, античной, греко-римской поэзии. Источником художественного мировоззрения поэта, его поэтической эстетики была поэзия Шота Руставели и Бесики (Бесарион Габашвили), лирику которого характеризует повышенная чувственность, тяга к прекрасному,

наслаждениям, противостоящим разуму, мудрости, трезвости. Однако гедонизм Чавчавадзе, в отличие от поэзии Бесики, носит пессимистический характер, так как исходит из осознания беспомощности человека перед злой силой равнодушной к нему действительности: «Горе мне! Душе бескрылой//Не вернуть твой образ милый//Расстаюсь с последней силой//Весь во власти мук своих//Близ тебя, луна земная//Я дышал, скорбей, не зная// Ныне изгнан я из рая//Безутешен скорбный стих.//⁴

Ярким проявлением творческой эволюции Чавчавадзе, приближением его поэзии к литературе нового времени, романтизму, является одно из лучших стихотворений поэта – «გოგჩა» («Гогча» –1841), пронизанное мучительным осознанием несовершенства существующего миропорядка, ощущением трагического противоречия между высокими устремлениями человека и реальностью жизни:

Есть озеро Гокча — подобье широкого моря:
 То бурные волны с угрозой вздымает оно,
 То зыблет в струях, с хрусталем светозарностью споря,
 Зеленые горы и воздуха синее дно.
 Но траурны толпы его прибрежных развалин.
 Где в давние годы могуче цвели города,
 Там нынче всё пусто, и край бездыханный печален,
 Повсюду лишь соль да камней почернелых гряда [...]
 Вот истинный образ и нашей грядущей судьбины!
 Зачем же, мой взор, лишь к мгновенному тянешься ты?⁵

Некоторые исследователи видят определенную связь этого стихотворения Чавчавадзе со стихотворением французского романтика, поэта, прозаика и драматурга Альфонса де Ламартина «Озеро» (1820). Можно говорить, что «Гогча» – это первый опыт в лирике Чавчавадзе стихотворения нового

4 Чавчавадзе А. *О любовь*// Чавчавадзе А. Поэзия// rulibs.com»Поэзия»chavchavadze/o/j2.html (Перевод А. Кочеткова); ჭავჭავაძე ა. სიყვარულო, ძალსა შენსა. ჭავჭავაძე ა. თხზულებები. თბილისი, 1986, გვ. 127 (Чавчавадзе А. О любовь // Чавчавадзе А Сочинения. Тбилиси, 1986, стр. 127).

5 Чавчавадзе А. *Гокча*// Александр Чавчавадзе. Поэзия//rulibs.com»Поэзия»chavchavadze/o/j2.html ჭავჭავაძე ა. გოგჩა //ჭავჭავაძე ა. თხზულებები. თბილისი, 1986, გვ.176 (Чавчавадзе А. Гокча // Чавчавадзе А Сочинения. Тбилиси, 1986, стр. 176 (Перевод А. Кочеткова).

Vera Occheli, *Романтизм в польской и грузинской литературе...*

типа, где отражена конкретная связь между объективной действительностью и субъективными переживаниями человека, связь между дикой природой и внутренним, интимным миром человеческой личности–6.

Наряду с балладой, ведущим жанром польского романтизма была романтическая поэма или «поэтическая повесть». Она явилась польской версией жанра, популярного в европейском романтизме того времени. В западной Европе романтическая поэма ярче всего представлена в творчестве *Джорджа Байрона* («Манфред», «Корсар», «Паломничество Чайльд Гарольда»), в восточной Европе – в творчестве *Александра Пушкина* («Руслан и Людмила», «Цыганы», «Кавказский пленник»). Польская романтическая поэма была преимущественно исторической – «Гражина» (1823) и «Конрад Валленрод» (1928) *Адама Мицкевича*, «Мария» *Антония Мальчевского* (1825), «Каневский замок» *Северина Гоциньского* (1828), «Ян Белецкий» (1832) *Юлиуша Словацкого*. Интерес к отечественной истории, характерный для эпохи бурного развития национального самосознания, был для польских романтиков связан с современностью, с нарастающим освободительным движением. Произведения их часто оказывались воплощением актуальных политических идей, а в характерах героев просматривался человек современности. Актуальное содержание сочеталось в их произведениях со стремлением к постижению исторической правды. Из истории они брали не одно лишь напоминание о доблести и благородстве предков в поучение современникам, а стремились понять историю, что предполагало наличие критического взгляда, замену апофеоза анализом.

Жанр исторической поэмы был характерным явлением и для грузинской литературы. Ее отличительными чертами были высокое осознание гражданского долга и пламенный патриотизм. Трагическая судьба Грузии, утратившей национальную независимость и стремившейся ее вернуть, была причиной того, что историко–патриотическая тема стала в грузинской, как и в польской, романтической литературе одной из ведущих.

Впервые жанр исторической поэмы в грузинской литературе был использован в конце XVIII века крупнейшим представителем грузинского предромантизма *Давидом Гурамишвили* в поэме «ქართლის ჭიბრი» («Беды Грузии» – 1787), которая является составной частью его автобиографического сборника «ფაშოთობი» («Книжка Давида»), раскрывающая трагические этапы жизни самого поэта. Поэма, насыщенная политической остротой

и драматическим пафосом, повествует о трагической эпохе в истории грузинского народа, о периоде кровавых и разрушительных войн с Персией и Турцией, о вынужденной эмиграции царского двора, о народных бедах:

«Беды Картли и Кахети описать не в силах слово//Стала плевелом пшеница –//Был огонь ей молотилом// Злой ингуш, черкес и турок, // Перс, дидоец и лезгин, //Чтоб хоть раз унижить Картли, //Выходили из теснин// Вслед за тем возникла смута// На грузина встал грузин//От меча родного брата // Пал в сраженье не один»⁶.

Размышляя о судьбах родины, причины ее несчастий поэт видит не только во внешних врагах, но и во внутренних раздорах, внутривнутриполитической борьбе за власть, в которой, как правило, на передний план выступают личные интересы, а не общенациональные. Поэт развивает в поэме своеобразную историко–философскую концепцию, опирающуюся на христианскую заповедь, которая гласит, что религиозно–моральный упадок общества обрекает народ на неминуемую гибель. Думается, что мысли грузинского поэта близки думам на этот счет основоположника польского романтизма – Адама Мицкевича.

Чувство ответственности сильных мира сего перед своим народом в центре исторической поэмы «ბედნი ქართველისა» (1839) («Судьбы Грузии») *Николоза Бараташвили* (1817–1845), самого выдающегося и оригинального представителя грузинского романтизма, о котором известный публицист, ученый, литературный критик Виктор Гольцев (1850–1906) писал: «Бараташвили был первым последовательным европейцем в Грузии, отказавшимся от старых персидских традиций. Источников вдохновения он не хотел искать в смутных глубинах отсталого азиатского Востока»⁷. Несмотря на то, что творческое наследие Бараташвили невелико (оно включает всего тридцать семь стихотворений и одну поэму), его значение для грузинской литературы трудно переоценить.

Поэт происходил из именитого, но обедневшего княжеского рода. Его короткая жизнь (историки литературы по праву ставят его в один ряд с великими поэтами–романтиками П.Б. Шелли, Д. Китсом, М. Лермонтовым,

⁶ Гурамишвили Д. *Беды Грузии*//Давид Гурамишвили. Беды Грузии. Отрывки (Перевод Н. Заболоцкого) allgeo.org/index.php...literatura/david-guramishvili.

⁷ Гольцев В. *Литературно-критические статьи*. Тбилиси, 1957, стр. 57.

Vera Occheli, *Романтизм в польской и грузинской литературе...*

Ш.Пётефи, не дожившими до тридцатилетия)⁸ была мучительна из-за отсутствия каких бы то ни было надежд и перспектив на будущее: неизлечимая хромота помешала ему поступить на военную службу, о которой он страстно мечтал, а стесненное материальное положение семьи не дало возможности продолжить образование в университете. Глубокое внутреннее разочарование и одиночество, которое он испытывал, усугублялось неразделенной любовью к Екатерине Чавчавадзе, младшей дочери поэта Александра Чавчавадзе. Способствовала этому и политическая ситуация в Грузии – заговор 1832 года, который имел целью отделение Грузии от России, не увенчался успехом. Бараташвили тяжело переживал его провал, так как с надеждами вернуть Грузии самостоятельность пришлось расстаться. Все это не могло не отразиться на тональности его поэзии и восприятию мира.

Поэма «Судьбы Грузии» написана под непосредственным впечатлением заговора 1832 года, где в сущности речь идет о выборе реально возможного, целесообразного пути для жизни и деятельности нации после его поражения. В центре поэмы образ царя Картли и Кахети Ираклия II (1720–1798), который в целях освобождения Грузии от Ирано–Турецкого владычества подписал в 1783 году Георгиевский трактат с Российской Империей. После подписания, договор не сразу был ратифицирован. Будущее Грузии фактически предрешила Крцанисская битва (она описана в поэме), состоявшаяся в 1795 году на подступах к Тифлису, во время нападения на страну иранского шаха Ага–Магомет–хана. Ее разрушительные последствия вынудили царя принять непростое для него решение – утвердить договор. У поэта оно вызывает нелегкие раздумья, мучительные вопросы – что разумнее: жертвовать жизнью лучших сынов страны, или просить защиты у более сильного соседа. Образ Ираклия, его взгляды и действия, вся его линия в поэме – символическое отображение трезво осмысленной объективной необходимости. Царь глубоко осознает неизбежность поворота в исторической судьбе своего народа, но его оппонент, Соломон Лионидзе, в своих рассуждениях апеллирует к человеческой природе и, в частности, к национальным чувствам.

⁸ Неупокоева И. *Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века*. М., 1971, стр. 291–308.

В раздумьях и вопросах поэта отразилась одна из центральных проблем для всего грузинского народа: было ли благом присоединение Грузии к России⁹. С одной стороны, эта мера была вынужденной, так как страна изнемогала от вражеских вторжений, но, с другой, была горестной, так как Грузия утратила национальную независимость.

Аналогичные образы и мотивы позднее будут развиты в поэзии поэта–романтика *Григола Орбелиани* (1804–1883), правнука царя Ираклия II. В безымянном стихотворении поэт с горечью говорит о бедах родины, вызывающих у него глубокие раздумья о ее судьбе:

Когда кистины, персы и османы,
 Как звери лютые, терзают край родной,
 Когда кровоточат бесчисленные раны,
 Враждебной нанесенные рукой,
 Когда молчит закон и справедливость дремлет,
 Когда никто врагу не в силах дать отпор,
 Когда народ зовет, когда никто не внимлет
 Его отчаянью, — о, как я с давних пор
 Всей силою души мечтаю о возмездье!
 Какие замыслы таит мой скорбный ум!
 Придет ли ночь или настанет день —
 Мысль о моем истерзанном народе
 Преследует меня, как горестная тень¹⁰.
 (Перевод Н.Заболоцкого)

В польской поэзии издавна сильный отзвук находил украинский фольклор. В польской романтической лирике он стал источником балладно–песенного жанра, известного под названием «думки». Особую группу в польском романтизме составили представители «украинской школы» — *Антони Мальчевский*, *Северин Гоциньский* и *Богдан Залесский* — автор «думок» и «шумок». Интерес к украинской литературе, обусловленный

⁹ Ратификация Георгиевского трактата состоялась в 1800 году уже после смерти царя Ираклия II, во время короткого праления его сына Георгия XII (1798–1800).

¹⁰ guziyya.jimdofree.com Литература Григол Орбелиани.

Vera Occheli, *Романтизм в польской и грузинской литературе...*

народно– героическими традициями и поэтическим богатством ее истории, был одной из характерных черт польского романтизма. Таким образом, есть основания говорить о нескольких составляющих польского романтизма – это и национальные традиции, и украинский фольклор и идейно–эстетические принципы европейского романтизма.

Грузинский романтизм также явление многослойное. В его основе лежит: и грузинская духовная литература, и элементы античной литературы, и близость к восточной поэзии, и европейская поэтическая система романтизма.

Грузинские и польские романтики широко ввели в литературу пейзажную лирику. Произведения этого цикла имеют как бы два направления: с одной стороны, они написаны под влиянием глубокого, всеобъемлющего чувства любви к природе родного края и являются своеобразными гимнами в ее честь. Так, в поэме *Мицкевича* «Пан Тадеуш» (1834), последнем монументальном произведении поэта, природа Литвы представлена с такой вдохновенной любовью, с какой ее мог изобразить только человек, любящий отчизну всем сердцем: живописные лесные пейзажи, рощи, поля, раскидистые деревья, пышные кустарники, многообразные цветы, злаки, плоды, окутанные терпким ароматом трав, сливаются в одну живописную картину родного края, питающую сердце живительным соком.

Другая настроенность в «Крымских сонетах» *Мицкевича*. Здесь созерцание сказочной природы Крымского полуострова, звездного неба над головой, экзотических растений, шум морского прибоя, ласкающий слух – придают стихам философскую окрашенность. Природа становится фоном для размышлений поэта о судьбе родного края, вызывает у изгнанника тоску о далекой отчизне, становится причиной его лирической исповеди, раздумий над вопросами бытия.

В грузинской романтической лирике пейзажные зарисовки также имеют своего рода два направления. Так, поэтическая тональность, элегический строй стихотворения *Бараташвили* «შემოღამება მთაწმინდაზე» («Сумерки на Мтацминда» – 1833–1836) отражают романтическую возвышенность в настроении поэта, чутко прислушивающегося к малейшим переменам в окружающей его природе, с которой он чувствует особую связь, вызывают чувство умиротворенности, соборности: «Люблю твои места в росистый час заката//Священная гора, когда твои огни//Редеют,

и верхи еще зарей объята//И по низам трава уже в ночной тени//Не на-
любуйтесь! Вот я стою у края//С лугов ползет туман и стелется к ногам//
Долина в глубине, как трапеза святая// Настой ночных цветов плывет, как
фимиам [...] Когда мне тяжело, довольно только взгляда//На эту гору, чтоб
от сердца отлегло//Тут даже в облаках я черпаю свободу//За тучами и то
легко мне и светло»¹¹. Другое стихотворение поэта – «ფიქრები მტკვრის
ჯივრის» («Раздумья на берегу Куры» – 1837) – произведение ярко выражен-
ного философского характера. Глядя на зеркальную гладь Куры, поэт
размышляет о скоротечности жизни, о несовместимости высоких устрем-
лений человека с тем реальным положением, на которое он обречен
объективными условиями своего времени: «Наш бренный мир – худое ре-
шето//Которое хотят долить до края//Чего б ни достигали мы, никто//Не
удовлетворялся, умирая»¹².

Оригинальный вариант пейзажной лирики представляет поэзия поэ-
та–романтика Вахтанга Орбелиани (1812–1890), брата Григола Орбелиани,
который ввел в литературу панорамные пейзажи, пейзажи руин, разва-
лин, близкие живописи европейского классицизма. В стихах В. Орбелиа-
ни объективная действительность затмевается образами исторического
прошлого. Лишь древние руины, памятники былой славы будоражат
воображение поэта. Мир, созданный по образу и подобию минувших
идеальных времен, мир воспоминаний и мифов близок и дорог ему
гораздо больше, чем мир реальный. Его поэзия полна безысходной тоски
и печали по утраченной Грузией независимости – «Старый Дманиси»
(1866), «Есть место» (1879), «Два здания» (1881), «Лампада среди руин»
(1885) и др.

В пределах одной статьи сложно в полном объеме осветить избран-
ную нами тему, но сделать некоторые выводы общего характера, выше-
сказанное дает основание. Сравнительное рассмотрение романтизма
в польской и грузинской литературе: 1. позволяет сделать *более глубоким*
понимание польской и грузинской литературы эпохи романтизма, более
точным *определение места каждой из них* в мировом литературном про-
цессе; 2. помогает *выявить специфику грузинского романтизма*, увидеть,

¹¹ Бараташвили Николоз. *Лирика*. М., 1967, стр. 24–25 (Перевод Б. Пастернака).

¹² Там же, стр. 33.

Vera Occheli, *Романтизм в польской и грузинской литературе...*

на фоне романтизма в польской литературе, *его своеобразие*; 3. показывает случаи, когда развитие национальной литературы выдвигает личности, *далеко опережающие общий уровень своей литературы* и становящиеся вровень с самыми развитыми литературами эпохи – рассмотрение творчества Николоза Бараташвили в контексте поэтического наследия Адама Мицкевича позволяет увидеть органическую связь грузинского поэта с поэзией европейского романтизма¹³; 4. *открывает творчество грузинских романтиков для мира*, несет им признание; 5. способствует установлению *общих закономерностей развития мирового литературного процесса*, стимулирует всесторонний и объективный подход к разным явлениям национальных литератур.

Bibliografia

Abašidze K., *Očerki gruzinskoj literatury 19-go veka*, Tbilisi 1962.

Asatiani G., *Gruzinskije liriki*, Tbilisi 1963.

Balahašvili I., *Žizn' Nikoloza Baratašvili*, Tbilisi 1967.

Kekeledze K., *Istoriâ gruzinskoj literatury v 4-h tomach*, T.2, Tbillisi 1941.

Maxaradze A., *Gruzinskij romantizm*, Tbilisi 1990.

Meunargiâ I., *Žizn' i tvorčestvo Nikoloza Baratašvili*, Tbilisi 1968.

Čikovani M., *David Guramišvili i narodnaâ poèziâ*, „Mnatobi” 1952, №7/8.

Krzyzanowski J., *Romantyzm Polski*, Warszawa 1972.

Wnuk A., *Polska romantyczna powieść poetycka. Wyznaczniki i konteksty gatunkowe*, Warszawa 2014.

Zgorzelski Cz., *Romantyzm w Polsce*, Lublin 1957.

Džibladze G., *Romantiki i realisty v gruzinskoj literature XIX veka*, Tbilisi 1963.

Neupokoeva I., *Revolûcionno-romantičeskaâ povest' pervoj poloviny XIX veka*, Moskva 1971.

Tatiašvili V., *Gruziny v Moskve*, Tbilisi 1959.

Âstrun M., *Mickevič*, Moskva 1963.

¹³ Хитаришвили-Оцхели В. «Фарис» Мицкевича и «Мерани» Бараташвили // В кн.: Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.